

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Психоанализ: анатомия творчества

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА*

Н.С. АВТОНОМОВА

Непосредственным поводом для размышлений на эту тему стала для меня работа над новым изданием Словаря по психоанализу, созданного французскими психоаналитиками Жаном Лапланшем и Жаном-Бертраном Понталисом¹. Этот знаменитый Словарь выдержал во Франции 18 стереотипных переизданий и был переведен на многие языки, причем в XXI веке круг переводов продолжает интенсивно расширяться. Когда в начале 1990-х годов я взялась за перевод Словаря, российский читатель страдал от нехватки информации, от скудости психоаналитической литературы. Нынешнее издание выходит в свет в иную эпоху: психоанализ в России динамично развивается, выходит много переводов, и читатель страдает не от нехватки, но скорее от хаотического изобилия жаргонов и диалектов и соответственно – от непонимания, от неспособности опознать за этим разнообразием общность исходных понятий.

С самого начала 1990-х годов, в период работы над первым изданием Словаря, передо мною возникали многочисленные терминологические проблемы: ранние русские переводы Фрейда не были систематическими, в советское время всякая работа в психоанализе надолго прервалась, а потому теперь переводчикам требовались повышенное внимание и требовательность к себе – к тому, чтобы не упустить смысловые переключки, сохранить понятийные гнезда, сложившиеся вокруг одного корня, а подчас решиться на изобретение новых терминов. Сейчас, в этом новом издании Словаря мне пришлось заново проанализировать сделанные ранее концептуальные выборы, подтвердить или, иногда, изменить ранее предложенные русские эквиваленты (все случаи замен рассматриваются в послесловии к Словарю²). Я уверена, что в наши дни актуальность Сло-

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 08-06-00215-а

варя только возросла — даже в сравнении с первым русским изданием 1996 года. У нынешнего издания Словаря более широкий круг читателей: людей, интересующийся психоанализом, сейчас в России гораздо больше, чем пятнадцать лет назад, и к тому же это — читатель более образованный, способный воспринять не только элементарные терминологические соотнесения, но и те концептуальные сложности, которые связаны с разными переводами психоаналитической литературы. Вместе с тем — и в этом важном обстоятельстве нужно дать себе отчет — российский психоанализ объективно оказывается в наши дни впереди планеты всей — в смысле динамизма терминологической ситуации и объективной заинтересованности в том, чтобы разобраться в пересечениях терминологии различных европейских языков психоанализа, которые предстают перед нами в переводах на русский язык. И этот интерес богат новыми смысловыми возможностями, которые могут быть использованы, а могут остаться невостребованными, выбор — за читателем.

Словарь Лапланша и Понталиса — это классический словарь фрейдовской терминологии и ее ближайших ответвлений; в его основе лежат франко-германские концептуальные соотношения. Вместе с тем Словарь характеризуется установкой на многоязычие: в нем приводятся концептуальные эквиваленты психоаналитических понятий на семи языках: немецком, английском, французском, итальянском, испанском, португальском, а теперь и на русском. Сам акцент на классическом учении Фрейда, вкупе с широкой языковой панорамой терминологических языков психоанализа обеспечивают удивительную жизнеспособность Словаря на фоне целого ряда других ценных источников. С течением времени Словарь не устаревает: чем больше нового появляется в психоанализе, тем сильнее ощущается потребность в соотнесении этих новшеств с фундаментом, с истоками. Хотя, конечно, в Словаре есть и моменты, явно нуждающиеся в модернизации: это относится, прежде всего, к библиографии, которая составлялась еще до того, как начало выходить Полное собрание сочинений Фрейда на французском языке, и потому в ней используются ссылки на более ранние издания. Ряд эквивалентов на французском и других европейских языках тоже претерпевают некоторые изменения; хочется надеяться, что будущие французские издания смогут отследить эти процессы, а будущие русские переиздания — в полной мере учесть их.

Постановка проблемы

Итак, в центре внимания здесь сочлененность, артикуляция между концептуальными языками психоанализа и переводом (как процессом и как совокупностью результатов, воплощенных в совокупностях терминов психоанализа на русском языке). Концептуальный

язык — это язык понятий, концептов, та часть общенационального языка, которая представляет собой ансамбль профессиональной лексики в широком смысле слова. Вместе с тем концептуальный язык психоанализа — это не все слова, употребляемые в психоанализе, но ядро взаимосвязанных концептов, используемых в психоаналитической теории и практике. При этом концептуальный язык психоанализа, уже в оригинале, неоднороден: в нем существуют более и менее специализированные слои и уровни. Концептуальные языки психоанализа — это те открытые понятийные системы, которые сложились в рамках определенных национальных традиций освоения и развития психоанализа (английский, французский, испанский и др.). Впрочем, и внутри тех или иных национальных психоаналитических языков существуют особые «наречия» или подсистемы, обслуживающие различные подходы и способы их концептуальной организации. Эти отдельные психоаналитические дискурсы по-разному организуют основной психоаналитический язык, акцентируют в нем те или иные ресурсы, вводят новые понятия и пр.

Между существованием и развитием концептуальных языков и переводом, его приемами и его ресурсами, существует как логическая, так и хронологическая связь. Взяв за основу сравнительно небольшой временной отрезок — постсоветский период — мы видим, что после открытия дверей в западный мир создание русского концептуального языка, связанное с освоением концептуальной лексики современной западной мысли в процессе перевода, стало одной из главных задач русской культуры. Для русского психоанализа границей между «до» и «после», между периодом замалчивания психоанализа и периодом его переоткрытия, стал 1989 год, когда публично отмечалось 50-летие со дня смерти Фрейда и вышли в свет некоторые из его фундаментальных работ. Психоанализ был одной из тех областей культуры и познания, которые наиболее сильно пострадали в период отчуждения между советским и западным миром. Рано и ярко начав еще в конце XIX — начале XX века, он был вытеснен за пределы общественного и профессионального внимания на весь советский период и потому вопрос о (пере)сотворении русского (русскоязычного) Фрейда встал на повестку дня с особенной остротой. При этом «царский путь» развития и обогащения концептуального языка — это именно перевод. Под переводом Фрейд во многих случаях подразумевал процессы, происходящие в человеческой психике при переходе с одного уровня на другой (например, с уровня бессознательных процессов на уровень вторичных процессов, в известной мере, осознанных) или же процессы расшифровки ребусных иероглифических записей сновидений, переноса их в язык словесного линейного пересказа. Но в данном случае речь у нас пойдет не о таком, метафорическом переводе, но

прежде всего о переводе в собственном смысле слова — о переводе с языка на язык, из одной психоаналитической культуры в другую, с одного психоаналитического дискурса на другой.

Итак, присмотримся к этому процессу заново. Термин «концептуальный язык» в указанном выше смысле я некогда ввела в докладе на XX Бостонском Всемирном философском конгрессе, провозгласив развитие и (пере)сотворение русского концептуального языка одной из важнейших задач современного культурного развития в России³. Буду счастлива узнать, что кто-то сделал это раньше; отмечу, что достаточно распространенный в наши дни термин «интеллектуальный язык» представляется мне менее удачным, потому что он, в отличие от термина «концептуальный язык», обозначает лишь общий тип языка, но не его элементы. В наши дни о необходимости развития русского литературного языка, возможности которого не совпадают с реализациями, нам неустанно и самоотверженно напоминает американский литературовед и культуролог М. Эпштейн. Фокус моего внимания — не русский литературный, но русский концептуальный язык; а предлагаемые мною средства берутся не из экспериментов по расширению лексического состава русского языка, но из культурных практик перевода, из реального столкновения с Другим. Перевод для меня это реальный, содержательный, необходимый культурный процесс, а не просто более или менее виртуозная техника словесных перевоплощений.

Концептуальный язык психоанализа исторически возник в немецком языковом субстрате, однако, как уже отмечалось, в рамках других языков и других культур в процессе перевода возникли свои психоаналитические языки. В настоящее время в России существуют и в пространстве психоаналитических дискуссий взаимодействуют переводы с немецкого, английского, французского, других концептуальных психоаналитических языков. Современной задачей психоаналитика, переводчика, эпистемолога является соотнесение разрозненных смыслов, потерявших свои связи с оригиналом, распутывание смысловых переплетений, связанных с неузнаванием понятий, выступающих в разных означающих оболочках, но возводимых — в принципе — к общему понятийному прообразу.

Перевод это не только техническая опора коммуникации. Это важнейшая культурная и познавательная операция, механизм трансляции культурной памяти. В целом практика переводов в культуре подчиняется некоторым закономерностям. Они явно прослеживаются в тех случаях, когда повышено значимые тексты культуры переводятся по несколько раз. Как правило, в первый раз они переводятся более вольно, с большим вниманием к читателю, который только начинает знакомиться с новым произведением, нежели к означающему слою языка оригинала. Позднее возникает

иное культурное устремление, при котором нас начинает больше интересоваться «сам Фрейд», его мысль, вербальные средства ее воплощения, а потому и возникает потребность в переводе, приближающем нас к означающей плоти и фактуре оригинала. Здесь я постараюсь показать тот понятийный и коммуникативный контекст, в котором формируется концептуальный язык российского психоанализа, его соотношения и переклички с другими концептуальными языками, пути выработки содержательной самостоятельности, немислимой без создания концептуального языка.

Что считать психоанализом?

Характеристика того, с чем мы имеем дело, должна, так или иначе, влиять на переводческий подход. Что такое психоанализ? Должны ли мы видеть в нем одну из медицинских профессий или скорее более мягкую форму социального вмешательства (иногда добавляют: герменевтического типа – на стыке филологии и мягких форм психологии)? Существует достаточно жесткий психиатрический язык с постановкой диагнозов, существуют и более гибкие формы обозначения недугов («истерические проявления»), не прибегающие к строгой классификации и диагностике. Определенная патология (страдание человека, душевные расстройства) по-разному описывается в разных языках. В психоанализе взгляд на эти душевные расстройства – динамический: речь идет о конфликте сил влечения с силами вытеснения и защиты, о чрезмерных энергетических нагрузках на тот или иной отдел психики или орган, о силах, которые нарушают равновесие между различными потоками психической энергии и мешают восстановлению нарушенного равновесия. Противодействие этим перегрузкам осуществляют защитные силы и механизмы *Я* и *Сверх-Я*. Психоанализ, который, с энергетической точки зрения, призван поддерживать или восстанавливать равновесие между различными силами, использует в качестве основного аналитического воздействия толкование поступков и речи пациента, его рассказ, так или иначе устремленный к осознанию, которое может быть достигнуто в результате перевода возбуждений и переживаний на словесный язык.

Как уже отмечалось, язык психоанализа не одномерный: в нем есть слои и уровни, по-разному организованные. Находясь на стыке различных областей, он не может совпадать ни с одним другим дисциплинарным языком. Спрашивается: кто же тогда способен отвечать за перевод психоаналитических терминов? Ответ на этот вопрос отчасти зависит от того, как видится место психоанализа в обществе, среди других дисциплин (гуманитарных и естественнонаучных), как определяются его отношения с медициной и психологией, с другими «эмансипационными» или герменевтическими

практиками. В глазах современного специалиста в области душевного здоровья некоторые психоаналитические классификации (например, типов истерии или невроза) выглядят странно: роды и виды, соподчинения терминов и понятий происходят в этих областях по-разному. А потому современным психологам или психиатрам приходится в определенных ситуациях переводить фрейдовский язык на свой собственный, соотносить его реалии со своими предметами изучения, так или иначе адаптировать классический язык психоанализа к своему языку. В целом это не значит, что классический фрейдизм — совершенно архаический язык, который нужно модернизировать любой ценой, хотя кое-что в нем действительно устарело: некоторые широко мыслящие психиатры скорее признают, что классический фрейдовский язык может в чем-то обогатить современный психиатрический язык, недостаточно гибкий для описания всего многообразия душевных расстройств.

Опыт перевода заставляет нас быть трезвыми: уметь использовать свои возможности и признавать свои ограничения. Это выражается, в частности, в такой формуле: мы никогда не переводим все, и рефлексивное мастерство переводчика проявляется в том, чтобы дать себе и другим отчет в том, что мы сохраняем и что теряем. В этой связи возникает и проблема так называемой непереводаемости. Акцент на непереводаемости, который стал все чаще выдвигаться в специальной и общефилософской литературе, я считаю неправомерным. Случаи непереводаемости, вслед за Барбарой Кассен, французским лингвистом и эпистемологом, главным редактором «Словаря непереводаемостей» европейских философий⁴, я считаю случаями трудного, постоянно возобновляющегося перевода сопротивляющихся этому слов и понятий. Фрейдовский многодисциплинарный подход открывает путь разным прочтениям и интерпретациям, которые могут подчеркивать (или наоборот оставлять в стороне) различные аспекты его наследия.

Иначе говоря, у нас могут быть разные подходы к Фрейду, но не может быть такого единственного подхода, который бы включал сразу все и на всем делал равные акценты: для того чтобы подчеркнуть медицинские, философские или, скажем, литературно-стилистические аспекты, нужно в принципе делать различные переводы. Но это не значит, что никаких критериев перевода вообще не существует. Выполнение задач перевода, в число которых входит одновременно и верность оригиналу, и решение определенной просветительской задачи, предполагает осознание специфики своего переводческого выбора и рефлексивное соотношение своего подхода с другими возможными подходами. При этом очень важно помнить также и о том, что не существует ни одного эквивалента, который одинаково хорошо укладывался

бы во все конкретные контексты употребления слова. Поэтому при пользовании Словарем вполне возможны случаи, когда предлагаемый в Словаре термин не подходит к какому-то конкретному случаю и читателю приходится самому приспособлять его к данной ситуации: причина этого в том, что семантические объемы значений, актуализированных в тех или иных контекстах, в разных языках и в разных случаях употребления данного термина в пределах одного языка, не совпадают.

Вершиной переводческой рефлексивности в разных языках и культурах выступает работа над «каноническим» Фрейдом, фиксирующим определенный срез развития психоаналитической проблематики в данной культуре и в данный период — разумеется, на фоне не прекращающейся динамики. Сейчас, когда в России ведется работа по созданию Полного собрания сочинений Фрейда на русском языке⁵, психоаналитическая проблематика, отрабатываемая в Словаре Лапланша и Понталиса, может стать экспериментальным участком публичной работы над русским Фрейдом. И естественно, в ходе этой работы нам предстоит в максимально возможной мере учитывать опыт концептуального многоязычия. Первостепенное значение при этом имеет наследие других психоаналитических культур, издавна принявших за проработку своих переводов и построение своих концептуальных языков (прежде всего, это англоязычный и франкоязычный психоанализ) и положивших этот опыт в основу соответствующих собраний сочинений Фрейда.

Фрейд в английских переводах

В течение десятилетий англоязычный Фрейд⁶ считался в мире Фрейдом как таковым. Для знакомства с психоанализом именно его рекомендовали читать в первую очередь. Казалось, что он чуть ли не лучше оригинала и во всяком случае более адекватно выразил универсальную суть фрейдовского учения, а потому надежно служит консолидации международного психоаналитического сообщества. Изредка звучали отдельные критические голоса, однако они не делали погоды. Правда, вскоре после выхода в свет Стандартного издания ставился вопрос о необходимости издания заключительного, 25 тома, в котором были бы собраны неточности и ошибки по всем 24 томам, но издатели на эту самоотверженную работу, разумеется, не решились. Кстати, ничего зазорного в этом не было бы, совсем наоборот: ошибки и неточности бывают во всех переводах, недаром по столько раз исправлялись даже самые совершенные и в тот или иной момент канонизированные переводы Библии. В 1980-е годы оборона была так или иначе прорвана сразу несколькими мощными ударами, и в первую очередь это были книга Бруно Беттельхайма⁷ и сборник статей «Фрейд в изгнании»⁸. Об-

ший взгляд на Стандартное издание стал меняться. Отныне оно уже не выглядело как единственно возможный перевод Фрейда на английский язык и тем более как универсальный Фрейд — поверх языковых и культурных барьеров. Стандартное издание предстало как явление историческое, отвечавшее определенным потребностям своего времени и места, но не как перевод на все времена.

Конечно, Стандартному изданию Фрейда нужно отдать должное. Ценность его и в самой установке на интеграцию психоаналитического сообщества, и в том, что это — критическое издание с большим комментаторским аппаратом, тогда как, например, в немецкой культуре настоящего критического издания до сих пор не существует, а новое французское полное собрание сочинений Фрейда ссылается на критический аппарат Стандартного издания и использует его. Все это — результат организаторских и издательских талантов Джеймса Стрейчи. Однако в его адрес можно обратить и упреки, тоже вполне заслуженные. Прежде всего, дело в том, что в совокупности своих переводческих выборов и решений, достаточно последовательных, англоязычный Фрейд предстает как Фрейд медиализированный, сциентизированный, направленный в сторону унификации терминологии, систематизированный и несколько упрощенный. Можно сказать, что, перевод под редакцией Стрейчи, будучи почти идеальным в своем роде, дает лишь одну, притом гиперболизированную, проекцию взглядов Фрейда-ученого — в том понимании науки и учености, которое было у Стрейчи и его сподвижников. Что же касалось Фрейда, то он к этой проекции, разумеется, не сводился. Ошибочность позиции Стрейчи была в том, что он провозглашал себя единственно истинным переводчиком (или иначе, переводчиком с определенным артиклем — *the translator*): и Эрнст Джонс, и Стрейчи чувствовали себя апостолами, получившими учение прямо из рук учителя и потому облеченными правом передать его дальше. На какой-то период эта интерпретация захватила весь свет: кое-кому действительно могло показаться, что читать Фрейда по-немецки бесполезно или даже вредно.

Однако Фрейд не был сам себе тождественным во все времена: развивались его взгляды, на его пути были повороты и возвраты, менялось состояние дисциплины, позиции в борьбе за лидерство. Возникает вопрос: почему эти известные упрощения языка и тем самым проблематики были допущены Фрейдом? Можно полагать, что в какой-то период главными для Фрейда действительно были институциональные соображения и что несколько упрощенный, сциентизированный язык, в котором, например, слово «влечение» (нем. *Drang*) переводилось как «инстинкт» (англ. *Instinct*), представлялся ему удобной формой компромисса с медицинскими кру-

гами, который он на определенной стадии искал. Но остается вопрос: можно ли считать английского Фрейда единственной формой языка психоаналитического сообщества? Вряд ли.

Как известно, одной из очевидных форм упрощения в англоязычном Фрейде был перевод фрейдовских *Я*, *Оно*, *Сверх-Я* (*Ich*, *Es*, *Über-Ich*) их латинскими формами *Ego*, *Id*, *Super-Ego*. Кажется, по пути латинизации этих основных граней человеческой души за английским не пошел ни один другой концептуальный психоаналитический язык⁹. При этом, замечает Беттельхайм, у Фрейда *Я* и *Оно* нередко выступают не как местоимения, но как существительные, точнее субстантивированные местоимения (*das Es*, *das Ich*) которые сохраняют свои аффективные смысловые нагрузки, скажем, *Оно* — темная часть души, которая входит во взаимодействие со столь же субстантивированным *Я*. В латинском переводе эти слова становятся холодными и техничными, не возбуждающими никаких ассоциаций персонального свойства.

Далее, шагом на пути интеллектуализации фрейдовской терминологии был также английский перевод «души» (*die Seele*) как *the mind*, «душевного» (*Seelen-*, *seelisch*) как *mental*: душа и душевное при этом начисто исчезали. Признавая совершенно справедливым этот упрек, отмечу, однако, что Беттельхайм все же напрасно думает (а он на этом настаивает), что именно в употреблении слова «душа» сосредоточен «гуманизм Фрейда» или что в современном Фрейде споре «герменевтико-спиритуалистической» и «прагматико-позитивистской» позиций Фрейд занимает первую. И сама эта антитеза слишком прямолинейна, и из эволюции Фрейда, полагаю, нельзя выбросить его активное стремление к построению научной психологии, от которого он, по сути, никогда не отказывался.

Одно из странных предпочтений английского перевода Фрейда — использование на месте фрейдовского понятия *Besetzung* (в моем переводе — нагрузка) греческого слова «катексис». Прежде всего употребление этого слова порождает впечатление, будто речь идет о чем-то странном и необычном, коль скоро повседневный язык не нашел средств для обозначения этого явления¹⁰, тогда как речь идет о феномене вполне доступном для понимания. *Besetzung* — это экономическое понятие, в основе которого лежит Фрейдова гипотеза о психической энергии, главным образом — энергии либидо, направляемой на тот или иной объект влечения — телесный или духовный. Либидо свободно перемещается по проторенным путям, а в случаях, когда возникают защитные процессы, эти пути оказываются заблокированными и необходимой разрядки не происходит. «Энергетическая гипотеза» была сформулирована Фрейдом в 1895 г. в работах «Исследования истерии» и «Набросок научной психологии», однако это понятие так или иначе присутствует во

всем его творчестве. В свое время Стрейчи перевел *Besetzung* как *cathexis*, а Фрейд, поморщившись (есть исторические свидетельства того, что этот термин, по крайней мере, поначалу, ему не нравился), не стал публично возражать, видимо предпочитая не портить отношения со Стрейчи как своим главным терминологическим душеприказчиком. Однако в наши дни, отчасти в связи с распространившейся критикой английского Стандартного издания, «катексис» выглядит в международном масштабе как устарелое и проблематичное терминологическое решение. Зачем же русскоязычному психоанализу его заимствовать, не попытавшись придумать свой собственный вариант, как это сделали другие европейские языки?

Несмотря на все трудности, удовлетворительная передача этого термина на другом языке не является невозможной задачей. Так, в английском языке существовали и существуют достаточно простые и обычные слова для выражения того, о чем шла речь. Для этого предлагались, например, глаголы *to invest* или *to charge with energy*¹¹. В немецком языке соответствующие термины Фрейда предполагают, прежде всего, военную метафору (завоевание, занятие, захват, оккупация), во французском — банковско-финансовую метафору (различные формы вложения денег). Однако русскоязычным психоаналитикам больше нравится англо-греческий «катексис» со всем букетом производных терминов, не несущих ни в русском (ни в английском) никаких смысловых ассоциаций.

Конкретных примеров здесь можно привести десятки. В целом интенсивное использование англизированной психоаналитической терминологии, вследствие влияния переводов с английского, остается характерной чертой современного российского психоанализа. В наши дни, когда период российского неофитства в отношении психоанализа прошел, эта «лояльность» представляется, однако, явлением скорее регрессивным. тем более что и в английском концептуальном психоаналитическом языке намечается тенденция к переосмыслению некогда введенной терминологии и вызывает потребность в новых переводах.

Фрейд во французских переводах

Принимаясь за работу над Полным собранием сочинений Фрейда¹², французские издатели, во главе которых стоял Жан Лапланш (к тому времени их пути с Понталисом давно разошлись, хотя Понталис в течение ряда лет выпускал в издательстве «Галлимар» переводы Фрейда), с самого начала стремились извлечь из всего вышесказанного урок. Одним из принципов их подхода к переводу был запрет на употребление слов, непонятных в повседневном языке, без особой на то необходимости, а критерием

неологизмов должна была служить их способность включиться в ткань родного языка. Французское полное собрание сочинений Фрейда стало выходить значительно позже английского, уже в 1980-е годы. Административной причиной задержек с этой работой было в данном случае рассредоточение авторских прав между различными издателями. В целом установкой при создании французского Фрейда (до этого существовали лишь отдельные, несистематизированные переводы) был отказ от навязывания оригиналу каких-либо внешних ему заданий и принципов. Впрочем, можно сказать, что такое задание все же было, только оно не было внешним. Вслед за известным французским переводчиком и теоретиком перевода Антуаном Берманом его можно охарактеризовать как «испытание иностранным»¹³. Эта новая цель противопоставлялась тому, что ранее делалось в области переводов Фрейда, а также общим принципам французской культуры перевода, которая в течение долгого времени ставила во главу угла усовершенствующий или же украшающий перевод, а фактически — подгонку оригинала под вкусовые представления языка и культуры переводящего. В любом случае, эти требования — быть как можно ближе к Фрейду и вместе с тем быть уместным и понятным во французском языке — не соединяются друг с другом беспроблемно и порождают конфликты, правда, вполне продуктивные.

Сам принцип близости к означающему слою оригинала не берется ниоткуда. Опыт послевоенных французских переводов немецкой философии — Гегеля, Маркса, Ницше — принес во французский язык немало новых слов и понятий, сделал использование уже существовавших более гибким. В 1980-е годы выражением новых культурных установок стало своего рода возрождение переводческой традиции немецкого романтизма, ярко изложенной в работах уже упоминавшегося Антуана Бермана. В данном случае можно сказать, что французский Фрейд Полного собрания сочинений не был традиционно французским и не мыслился как «традиционно французский» в вышеуказанном смысле. Издатели Собрания решили не противопоставлять друг другу французский и немецкий как типы переводов, не стремиться приручить чужой текст, но перевести максимум его особенностей — стилистических, семантических, концептуальных, найдя для них приемлемые аналогии в своем языке, создавая в родном языке такое письмо, которое бы вбирало в себя чужое письмо, выявляло в нем (и в себе) ресурсы, еще не открытые. Отсюда — неизбежные странности, изобретения, деривации, стилистические новшества¹⁴. К сожалению, у нас сейчас нет возможности их сколько-нибудь подробно рассматривать, это отдельная интересная переводческая и историко-культурная задача. Сразу отмечу: требование следовать означающему языка

подлинника подчас оборачивалось пуризмом, которого в отношении к языку не терпит ни один, даже самый хороший принцип. В частности, лингвистической нелепостью было стремление следовать синтаксису оригинала, что, как известно, противоречит естественному течению речи и мысли на другом языке.

Мне доводилось беседовать с теми исследователями, которые делали переводы для французского Полного собрания. Они образовывали рабочие группы до 4 человек, члены которых должны были знать немецкий, английский, французский (литературный и научный) и, конечно, Фрейда. Каждая опция, каждое предложение подвергались дискуссии, в которой лингвистика сталкивалась с фрейдологией, причем в большинстве случаев удавалось достичь итога, удовлетворявшего обе стороны. Правда, такой оптимистический взгляд был свойствен скорее редакторам, нежели переводчикам, по крайней мере, известно, что в случае сохраняющихся разногласий окончательное решение принимал сам Жан Лапланш. Результатом лексикологической работы, проходившей в 1986 – 1987 годах, было создание немецко-французского глоссария из 5000 слов, который стал матрицей последующих действий. При этом термины, которые уже были проработаны в Словаре Лапланша и Понталиса, специально не приводились в глоссарии: точнее, приводились лишь те из них, которые были изменены впоследствии, уже при работе над Полным собранием сочинений Фрейда.

Рассмотрим лишь несколько примеров нового французского подхода, они подробно разбираются в подготовительном томе к изданию французского Фрейда – в книге «Переводить Фрейда». Выше уже говорилось о том, что стало с понятием «душа» в английском переводе. Существует мнение, что Эрнст Джонс и Анна Фрейд считали понятие «душа» архаичным и стремились избавиться от него, не поднимая громких дискуссий. Известно, что Фрейд сам предложил немецкое слово *Seele* как перевод греческого *Psyche*. Слово «душа» было нужно Фрейду как опора для целого ряда различений. С одной стороны, душа – опора как осознанных, так и бессознательных процессов, так или иначе связанных с проблемами метафизики, перенесенными на уровень фрейдовской метапсихологии. С другой стороны, это конечно, важнейшее противопоставление душевных и телесных явлений. Сохранение в новых (теперь уже и не столь новых, но в России совершенно не известных) французских переводах терминов «душа» и «душевный» отныне позволяет читателю видеть, в какие оппозиции включались соответствующие термины у Фрейда (прежде из-за отсутствия терминов «душа» и «душевный» это было совершенно незаметно). Так, употребительным для Фрейда является противопоставление «душевный – телесный» (*seelisch – körperlich*)

и «психический — материальный» (psychisch — materiell). При этом французский читатель видит, что слово «психический» в его концептуальном языке может относиться к инстанции, системе, организации, топике, материалу, но прежде всего — к энергии, травме, реальности, а слово «душевный» — к жизни, действию, феномену, движению, деятельности, процессу, состоянию и др. Таким образом, распределение этих понятий во фрейдовском немецком вполне упорядоченное и глубоко продуманное.

Вообще в переводе нет ничемных затрат времени: апробированный, но затем отвергнутый перевод — тоже результат. Но еще важнее оказываются случаи, когда некогда отвергнутое вновь возвращается в круг внимания и даже принимается как предпочтительный вариант. Так, при подготовке Полного французского Фрейда был реабилитирован французский термин *fantaisie*, который в свое время предлагал Лагаш для перевода фрейдовского *Phantasie*. Раньше в терминологическом строе французского психоанализа безраздельно господствовал термин *fantasme*, приобретший даже громкую международную репутацию, мешая при этом видеть основное, что было связано у Фрейда с соответствующей группой терминов, — деятельность воображения, способность к фантазированию. Греческое слово «фантазм» у Фрейда употребляется редко и означает ошибочный образ, вводящий в заблуждение, фантаσμαгорию, галлюцинацию, фантом: фантазм — это результат соответствующей деятельности. Когда Лагаш в свое время предложил переводить *Phantasie* как *fantaisie*¹⁵, на это возражали, что французское *fantaisie* означает нечто произвольное и предполагает каприз, причуду, нерегулярность. Однако теперь было решено вновь обратиться именно к этому предложению Лагаша как меньшему злу, причем у Литтре был даже найден глагол, соответствующий немецкому *phantasieren*: это *fantasier*. Мне приятно, что уже в первом издании русского перевода Словаря Лапланша и Понталиса, несмотря на сплошное употребление во французском оригинале слова «фантазм», я уже провела определенную терминологическую сортировку и оставляла эту форму слова лишь в редчайших случаях (например, «фантазм материнской груди»), в других контекстах пользуясь изначальными немецкими «фантазия», «фантазировать». В целом это поучительный пример того, как некогда отвергнутые эквиваленты могут вновь постучаться в дверь и даже найти себе место в концептуальном языке, победив своих конкурентов. Это свидетельствует о том, что идеальных переводов нет и что жизнь перевода, как и жизнь мысли, к счастью, никогда не заканчивается.

А вот и еще один интересный пример из нового французского Фрейда — он связан с понятиями «культура» и «цивилизация». До последнего времени «культура» во французском языке была до-

вольно узким понятием, ограниченным совокупностью интеллектуальных аспектов, а цивилизация понималась как совокупность разнообразных приобретений человеческих обществ (в противоположность природе, варварству). Однако Фрейд использует понятие «культура» именно в этом последнем смысле, что, казалось бы, требовало переводить немецкое слово «культура» французским словом «цивилизация», как это и делалось в предыдущих переводах: так, немецкое «Недовольство культурой» (*Das Unbehagen in der Kultur*) систематически переводилось на французский как «*Malaise dans la civilisation*». Однако, за последние десятилетия, под влиянием других переводов использование понятия «культура» стало более гибким и вместительным, что и позволило решиться на следующий эксперимент: вернуть фрейдовские понятия «цивилизация» и «культура» на те места, которые они занимают в оригинале, в расчете на то, что теперь уже продвинутый французский читатель сможет освоить подобные употребления терминов и построить в своей голове такие новые понятия, как «культура в понимании Фрейда».

Здесь необходимо уточнить одну важную вещь: термины, вводимые в новые переводы, не могут быть законом к немедленному употреблению для практикующих психоаналитиков. Тем самым мы делаем вывод: перевод психоаналитических текстов, апробирование и ввод новых эквивалентов в языке перевода — это совсем не то, что работа по уже установленным правилам и с привычной терминологией: между этими видами работы возникают неизбежные разрывы, которые с течением времени, по мере привыкания к новому, обычно сглаживаются.

Фрейд на русском языке: перевод как средство построения концептуального языка

Эстафета построения своего концептуального Фрейда сейчас, можно сказать, переместилась в Россию, именно здесь осуществляется амбициозный замысел издания Полного собрания сочинений Фрейда, и несколько томов этого издания уже вышли их печати. Так что теперь мы не по книжкам, а на собственном опыте и в большом формате видим, как взаимодействуют процессы перевода с процессами выработки концептуального языка. Я не буду здесь анализировать сделанные переводчиками этого собрания терминологические предпочтения; работа продолжается, и дискуссии на эту тему, как во всяком цивилизованном психоаналитическом сообществе, еще последуют. Расскажу вкратце о том, что я сделала сама — при подготовке второго русского издания Словаря Лапланша и Понталиса, так как я рассматриваю эту работу как вклад в выработку концептуального языка, в формиро-

вание русскоязычного Фрейда. Разумеется, русский психоаналитический язык не ограничивается русскоязычным Фрейдом: психоаналитических дискурсов должно быть много, сообразно тем подходам и тенденциям, которые осмысляются, практикуются, укореняются в России. Здесь я лишь приведу несколько примеров моего пересмотра терминологии во втором издании Словаря: он связан и с жизнью языка, и с динамикой психоанализа как дисциплины и культурного явления, в котором за два десятилетия накопилось немало нового.

Так, во втором издании я перевожу нем. *Übertragung* (франц. *transfert*) как «перенос, трансфер», тогда как в первом издании порядок терминов был прямо противоположным: «трансфер, перенос». В первых русских переводах Фрейда пользовались термином «перенесение». Позднее, под влиянием переводов с английского и французского в России распространился термин «трансфер»¹⁶. Его преимущество в том, что он позволяет использовать однокоренное прилагательное (трансферентный или трансференциальный: любовь, невроз и др.), тогда как термин «переносный», который используется в некоторых современных переводах на русский язык, вряд ли можно считать удовлетворительным, особенно в таких словосочетаниях, как «переносная любовь»; во всяком случае, ждать, пока неуместные коннотации выветрятся, в подобных случаях придется еще долго, так что более удачными представляются такие варианты, как «любовь в ситуации переноса». Решение поставить «перенос» на первое место перед «трансфером» было мотивировано сверхшироким использованием слова «трансфер» в различных современных контекстах, включающих перевозку пассажиров, перевозку грузов, пересылку денег, перевод игроков из команды в команду и т.п., т.е. иначе направленной материальной конкретизацией смысла.

За последние два десятилетия большое распространение приобрел термин «идентификация». В наши дни он употребляется и в тех случаях, в которых в 1980 г. о переводе французского «*identification*» как «идентификация» никто даже не помышлял. Так, заглавие книги Броделя «*Identité de la France*» было некогда переведено «Что есть Франция?», тогда как недавний доклад в РГГУ на ту же самую тему французского историка Пьера Нора («*Y a-t-il une identité historique de la France?*») в переводе был назван: «Существует ли историческая идентичность Франции?». Следуя этой нынешней тенденции, я ставлю «идентичность» на первое место, оставляя частичные синонимы «тождество», «самотождественность» лишь в философских и некоторых близких к философским контекстах. Соответственно, в сторону «идентичности» и «идентификации» сдвигается весь ряд составных терминов, употребляемых у Фрейда, например, «идентификация первичная» (*identification primaire*),

«идентификация проективная» (*identification projective*), «идентификация с агрессором» (*identification à l'agresseur*). В эту же группу изменений попадает у меня и термин «перверсия» (*perversion*), который я ранее ставила на второе место (извращение, перверсия). Иными словами, в данном случае, хотя это вовсе не мой принцип, скорее, наоборот, я произвожу «латинизацию» термина — по аналогии с уже существующими терминами (версия, интроверсия, экстраверсия, конверсия, инверсия). Разумеется, из этого не следует, что писать нужно «перверЗия», как это подчас делается, хотя в немецком языке именно так и произносится. В таких парах терминов, как «извращение» и «перверсия», «отклонение» и «девиация», латинский ряд, как это свойственно русскоязычному употреблению, подчеркивает научное значение соответствующих словесных единиц, а русскоязычный ряд — более обыденное и менее терминологизированное значение соответствующих слов.

А теперь вновь вернемся ненадолго к вопросу о фрейдовском *Besetzung*: несмотря на полное изобилие «катексисов» или «инвестиций», я сохраняю и во втором издании Словаря ранее предложенный мною вариант «нагрузка». Соответственно, различные аспекты экономико-энергетических отношений, закрепленные в таких германоязычных терминах, как «*Gegenbesetzung*», «*Überbesetzung*», «*Widerbesetzung*» и др. (во французской терминологической традиции — «*contre-investissement*», «*des-investissement*», «*sur-investissement*» и др.) представлены мною как соотношения энергетических процессов нагрузки, разгрузки, противонагрузки, сверхнагрузки (перегрузки) и др. Судя по перечню терминов, приводимых в Международном психоаналитическом словаре, вышедшем под редакцией А. де Мижола, наряду с английским вариантом понятия «*Besetzung*» — катексисом, в европейской психоаналитической терминологии все больше завоевывает права гражданства и термин «*investment*»: это отмечается относительно английского (не только «*cathexis*», но и «*investment*») и других европейских языков¹⁷.

Обычно исследовательская мысль и практическое употребление понятий, а также процессы перевода идут параллельно и питают друг друга. Однако когда возникает потребность в радикальной замене концептов, практики, опирающиеся на привычные понятия, поддержать подобные изменения не в состоянии. Нынешние новые издания Фрейда, если они осуществляются в старых психоаналитических сообществах и требуют пересмотра привычных понятий и терминов, возможны только при относительной независимости от традиции и повседневной практики. Здесь мы видим, как фундаментальный научный интерес вырывается вперед и отрывается от всех конкретных манифестаций психоаналитической работы. Эта логика может показаться парадоксаль-

ной: она порождается потребностью во временной автономии уровней анализа. Оказывается, что исследовательская, терминологическая и практическая работа могут мешать друг другу, и тогда требуется отвлечься от практики, чтобы построить новую терминологическую систему, предоставив практикующему психоаналитику полную свободу действий при выборе терминов и понятий.

Общий принцип перевода: переводить надо максимально близко к оригиналу, осознавая при этом смысл интеллектуального запроса собственной культуры, а также учитывая опыт других языков и познавательных традиций. Что это значит в данном случае? Задача русскоязычного психоанализа не только перевести что-то и как-то, но при этом выработать свой концептуальный язык, который неизбежно будет отличаться от других концептуальных языков, подобно тому, как сейчас английский, французский и испанский Фрейд отличаются друг от друга — в некоторых особых модальностях перевода основных понятий: ведь перевод — не прозрачное стекло, через которое нам виден оригинал. Задача, которая стоит перед русскими переводчиками Фрейда — вырабатывать русский концептуальный язык психоанализа, не удовлетворяясь кальками, прямыми транслитерациями, тем более — вторичными, взятыми не из оригинала, а их других переводов. Тем самым я выступаю против буквалистски понимаемого принципа постмодернистского перевода: я не считаю, что оригинала нет, и что все дозволено. Однако своя правда есть и у такой установки на вторичное использование, причем в моей собственной работе есть тому пример. Это как раз тот случай, когда пресловутый немецкий *Besetzung* я переводила, так сказать, не прямо с немецкого, но учитывая те смысловые разветвления, которые этот термин приобрел в других языках (прежде всего — романских, использующих слова, с корневым элементом, означающим «нагрузку»: это *carga* — исп., *carica* — итал.). Этот случай не значит, что я поддерживаю принцип перевода без оригинала, но он показывает, что путь к оригиналу иногда лежит не на магистральных, а на боковых тропах смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. с франц. и науч. ред. Н.С. Автономовой. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. Первое французское издание Словаря вышло в свет в 1967 г.: *Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse* / Sous la dir. de D. Lagache. — Paris: Presses universitaires de France. Первое русское издание появилось в 1996 г. в издательстве «Высшая школа» (пер. Н.С. Автономовой / Под ред. А.М. Руткевича). Презентация нового издания Словаря российскому психоаналитическому сообществу состоялась во время Всероссийской научно-практической конференции «Феномен

нарциссизма в клинической практике и в политике, бизнесе, искусстве: современные психоаналитические концепции» 12 декабря 2009 г., организованной Русским психоаналитическим обществом (Москва).

² Принципиальных смысловых замен среди них нет, но есть замены, произведенные с целью достижения большей смысловой точности и большей морфологической гибкости, а также замены, связанные с интуитивно ощущаемым изменением частоты употребления тех или иных слов в русском языке. Кроме того, в Словаре дается более широкая технологическая база для самостоятельной работы пользователей. Так, Словарь снабжен новыми указателями терминов, а также развернутыми оглавлениями томов английского (Standard Edition) и немецкого (Gesammelte Werke) изданий собранных сочинений Фрейда, для того, чтобы читатель мог в любой момент содержательно расшифровать библиографические указания, приводимые Лапланшем и Понталисом в сокращенной форме (издание, том и страница).

³ *Avtonomova N.* On the (Re)creation of Russian Philosophical Language // The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy. Volume 12. Philosophy Documentation Center, 2000. — P. 83 — 94. См. об этом также: *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. — М.: РОССПЭН, 2008.

⁴ *Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles / Sous la direction de Barbara Cassin.* — Paris: Seuil-Robert, 2004.

⁵ *Фрейд З.* Собр. соч. В 26 т. / Пер. с нем. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005.

⁶ *Freud S.* The Standard Edition of the Complete psychological Works / Translated from the German under the General Editorship of James Strachey. In 24 vol. — London: the Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1953 — 1966; 1974.

⁷ *Bettelheim B.* Freud et l'âme humaine. De la traduction à la translation. — Paris: Robert Laffont, 1984 / Пер. с англ.

⁸ См.: *Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes / Timms E., Segal N.* New Haven and London: Yale University Press, 1988. В этом сборнике см., прежде всего, следующие статьи: *Pines M.* The Question of Revising the Standard Edition // *Ibidem.* — P. 177 — 180; *Ornston D.G.* How standard is the «Standard Edition»? // *Ibid.* — P. 196 — 209; *Steiner R.* Die Weltmachtstellung des Britischen Reichs // *Ibid.* — P. 181 — 195; *Holder A.* Reservations about the Standard Edition // *Ibidem.* — P. 210 — 214; *Junker H.* On the Difficulties of Retranslating Freud into English // *Ibid.* — P. 215 — 219 и др. Об этом см. также: *Мазин В.* Переводы Фрейда // *Психоаналитический вестник.* 1999. № 1 (17); *Мазин В.* Рождение психоанализа в переводе (послесловие) // *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии // *Фрейд З.* Собр. соч. В 26 т. Т. 1. — СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005.

⁹ Более удовлетворительными вариантами английского перевода этих терминов Б. Беттельхайм считает такие эквиваленты, как Over-I, Above-I, или, скорее — Upper-I.

¹⁰ *Bettelheim B.* Freud et l'âme humaine. — P. 176.

¹¹ *Ibid.* — P. 177.

¹² *Freud S.* Œuvres complètes — Psychanalyse. — Paris: PUF. Если в английском Стандартном издании порядок публикации смешанный (то хро-

нологический, то тематический), то во французском издании тексты публикуются в порядке выхода, с минимальными вступительными заметками, с показом страт текстов, которые подвергались переделкам. Сносочный аппарат минимален, в этом смысле Стандартное издание сохраняет свое значение и для французского. Заметим, что немецкое собрание сочинений (см., например: *Freud S. Gesammelte Werke chronologisch geordnet. Band 18. Frankfurt-am-Main: S. Fischer Verlag. Vierte, korrigierte Auflage, 1986*) включает тексты, которых в Стандартном издании нет и которые учитываются во французском Полном собрании сочинений Фрейда.

¹³ Это заглавие известной книги о переводе: *Berman A. L'épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. — Paris: Gallimard, 1984.*

¹⁴ О принципах подхода к французского переводу Фрейда в Полном собрании его сочинений см.: *Bourguignon A., Cotet P., Laplanche J., Robert F. Traduire Freud. — Paris: PUF, 1989.*

¹⁵ *Bourguignon A., Cotet P., Laplanche J., Robert F. Traduire Freud. — P. 105.*

¹⁶ Существует мнение, что слово «трансфер» (transfert) первично в создании этого термина, что Фрейд впервые встретил его у Бернгейма и перевел как Übertragung («перенос») (см.: *Bettelheim B. Freud et l'âme humaine. — P. 47*), но это любопытное историко-терминологическое обстоятельство никак не влияет на наш выбор русскоязычного термина.

¹⁷ *Dictionnaire international de la psychanalyse / Sous la dir. de A. de Mijolla. Concepts, notions, biographie, oeuvres, événements, institutions. — Paris: Calmann-Lévy, 2002. T. 2. — P. 1852.*

Аннотация

В статье показано соотношение между процессами перевода и процессами выработки концептуального языка в такой важнейшей области знания и практики, как психоанализ. Материалом для размышлений послужила для автора работа над вторым изданием русского перевода французского «Словаря по психоанализу» Лапланша и Понталиса (2010). Автор рассматривает сделанные им терминологические изменения на фоне тех тенденций терминологической динамики, которые наблюдаются в английских и французских переводах Фрейда.

Ключевые слова:

Концептуальный язык, перевод, терминология, «испытание иностранным», перенос, идентичность, культура, цивилизация.

Summary

The article shows the correlation between the process of translation and the process of elaboration of a conceptual language in psychoanalysis as a substantial field of practice and cognition. The author's reflexion is inspired by working on the second edition of the Russian translation of the French «Vocabulary of Psychoanalysis» by J. Laplanche and J.-B. Pontalis. The author is analyzing the terminological modifications that she made in light of the terminological trends and dynamics noted in the French and English translations of Freud's works.

Keywords:

Conceptual language, translation, terminology, «the challenge of the foreign», transference, identity, culture, civilization.